

История трех царей

Джин Эдвардс

По этой истории, рассказанной одним из лучших американских рассказчиков, были поставлены спектакли, которые исполнялись профессионалами сцены, и простые постановки, которые исполнялись в зданиях церквей. Служители читали всю историю целиком с кафедр перед собранием. Христианские лидеры и руководители религиозных движений по всему миру рекомендовали прочитать эту книгу персоналу и членам их организаций. По всей земле многие христиане получили **помощь, утешение и исцеление от страданий, утрат и боли сердца, полученных в результате нечестного обращения** со стороны других верующих. Ты можешь присоединиться к тысячам людей, которых эта ни с чем не сравнимая история коснулась до глубины души.

«Поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома...» (Осия 8, 4)

Мы снова вместе, мой дорогой читатель. Мне радостно встретиться с тобой еще раз. И это честь для меня — снова провести с тобой время. Благодарю тебя.

На мой взгляд, эту новую историю следовало бы назвать драмой. И все же, надеюсь, ты не сочтешь ее печальной.

*История состоит из двух частей. В части первой мы встретимся с царем по имени **Саул** и молодым пастушком, имя которого — **Давид**. Во второй части нам вновь встретится царь и молодой человек. Только на сей раз в старике мы узнаем... Давида, а в юноше — **Авессалома**.*

*Может быть, тебе захочется назвать эту повесть сказкой или легендой. Во всяком случае, в ней ты найдешь то, как сочетаются в царстве от Бога два начала — **покорность и власть и еще многое из жизни...***

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Я был меньший между братьями моими и юнейший в доме отца моего.

В большой семье младшего ребенка зачастую почитают за непослушного и несмышлёного. От него многого не ждут. Конечно же, в отличие от других детей, он не может быть первым. Ведь ему некого за собой вести, ибо нет среди братьев младше, чем он. И поэтому он всегда в подчинении.

Так происходит в наши дни. Так было и три тысячи лет назад в деревне, называвшейся Вифлеем, в семье Иессея, имевшего восьмерых сыновей. Семь старших братьев работали вблизи отцовского хозяйства. А младшего, восьмого, обычно отправляли в горы пасти маленькую семейную отару.

Отправляясь на свое пастушеское послушание, Давид, а звали его именно так, всегда брал с собой две непереносимые вещи; пращу и небольшую арфу. На богатых горных пастбищах, где овцы днями пасутся на одном и том же уединенном лугу, пастух свободно мог предаваться своим размышлениям.

Но со временем чувство одиночества и тихой грусти, посещавшие и раньше нашего пастушка, стали возрастать. Сердце его сжималось все больше и больше, и он не мог уже сдерживать обильных слез, источавшихся из его томящейся души. Тогда он брал арфу... Воздух наполнялся переливчатыми звуками, в которые вскоре вплетался красивый, сильный и нежный голос. Когда же юноша переставал находить утешение и в этом, арфа откладывалась в сторону, вынималась праща. Давид начинал собирать камни, а затем один за другим запускать их в стоящее на удалении дерево — с чувством сражающегося воина. После того, как камни заканчивались, он направлялся к пораженному дереву, собирал их заново и определял следующего древесного противника, на еще более отдаленном расстоянии. Он вступал во множество таких поединков, пока боевой дух его не успокаивался.

Таков был наш пастух, певец и воин. Еще он всем сердцем любил своего Господа. В ночные часы, когда овечки спали, и он, казалось, оставался в полном одиночестве, начиналось его общение с Богом. Всматриваясь в гаснущий огонь, он брал свою арфу, и его чудесная игра вновь соединялась с не менее чудесным голосом. Он пел древние гимны о вере своих праотцев. Он пел и пел. Пел и... плакал. И лилась в небо забытая хвала, и дальние горы подхватывали ее вместе с его слезами и передавали еще

выше и выше, вознося к Богу.

Днем же ему надо было заботиться о своих овечках, обо всех до единой. И он делал это заботливо и нежно. Если же он ими не занимался, не играл на арфе и не пел, то возвращался к своей праще, которая заменяла ему друга, и запускал камни до тех пор, пока они не попадали точно в цель.

И вот однажды, когда он во всю полноту своего голоса и сердца пел Богу, ангелам, овцам и проплывающим облакам, он вдруг заметил врага живого.

Огромный медведь! Давид бросился вперед. Оказалось, что оба они устремились к одной и той же цели — ягненку. Юноша и медведь внезапно остановились на полпути и обернулись, став друг против друга.

— Похоже, что я вовсе и не боюсь, — подумал Давид, инстинктивно отыскивая в пастушеской сумке камень. Но тем временем эта коричневая масса на мощных мохнатых лапах бешено ринулась в его сторону. Он же, движимый силой юности, послал в эту яростную мишень обточенную и заостренную водами гальку. Просвистев в воздухе, та навсегда уложила его первого живого и мощного противника.

Несколько мгновений спустя, наш, уже не столь молодой, как минуту назад, человек подобрал маленькую овечку и сказал:

Я — твой пастырь, а Бог — мой...

Поздно вечером была сложена новая песнь. Пастух вновь и вновь возносил ее небесам, и все ангелы внимали ей. Они стали хранителями этой дивной песни и передавали ее как целебный бальзам всем сокрушенным сердцем в грядущих веках.

Глава II

Я обрел Давида, раба Моего, святым елеем Моим помазал его

На следующее утро Давид увидел, что кто-то стремительно к нему бежит. Фигура, приближаясь, все вырастала, пока не стало очевидным, что это его родной брат.

— Беги! — кричал брат. — Беги изо всех сил. Я присмотрю за стадом.

— Зачем?

— Старик-пророк... Он хочет видеть всех восьмерых сыновей Иессея, нашего отца. И он уже видел всех, кроме тебя.

— А зачем?

— Беги!

И Давид побежал. Он бежал изо всех сил молодым стремительным бегом, останавливаясь на мгновение, чтобы перевести дыхание. Пот лился по его загорелым щекам. Раскрасневшееся лицо сливалось с рыжими вьющимися волосами. Таким он и вошел в дом своего отца, глазами отмечая все, что было в поле его зрения.

Он стоял перед всеми, этот самый младший сын Иессея, повзрослевший, высокий и сильный. Но таким его видел только почтенный старец, их гость, но не все остальные. Ведь родня не замечает, как растет ребенок. Старик же видел. Он видел и еще кое-что. Каким-то образом ему ведомо было то, что знает лишь Бог.

...А Бог испытал все дома в царстве Своего Народа, один за другим, в поисках чего-то особенного. В результате Всемогуший увидел, что именно этот вот пастушок любит своего Господа больше, чем кто-либо другой на всей священной земле Израиля...

— На колени, — сказал старец с бородой и седыми волосами до пояса. Преклонив колени с большим достоинством, никогда прежде этого с ним не бывало, Давид почувствовал, что на голову и лицо его течет елей. Где-то в потаенном месте сознания, вернувшего его в детство, промелькнула мысль: «Ах, это, должно быть, то, что совершают для посвящения на царство. Значит, Самуил совершает посвящение? Он делает меня... но кем?»

Еврейские слова были безошибочны. Даже дети знали их — «Вот помазанник Божий!»

* * *

Ты, наверное, думаешь, что этот знаменательный день изменил всю последующую жизнь Давида?

Но не находишь ли ты странным, что это самое замечательное событие привело юношу не к трону, а к десяти годам мук и страданий? В тот день Давид был зачислен не в царский род, а в школу

Самуил ушел.

Сыновья Иессея, за исключением одного, отправились на войну. Младший, еще не созревший, по мнению родных, для войны, получил тем не менее продвижение в доме своего отца: из пастухов — в разносчики. Теперь новой его работой стало бегом доставлять братьям пищу на военные рубежи. И он делал это так же безропотно и исправно, как и пас овец.

В один из таких переходов на передовую он убил еще одного «медведя», и точно таким же способом, как и первого. Но только этот враг оказался человеком, причем, ростом в девять футов, а звали его Голиаф. Этот необыкновенный подвиг прославил молодого Давида, и его провозгласили народным героем...

Время же вскоре привело нашего певца и война во дворец безумного царя... В обстоятельствах, таких же невыносимых, как и сам царь, юноше предстояло узнать многие вещи, не ведомые ему ранее, но нужные для постижения жизни...

Глава III

Господи! Ты испытал меня и знаешь

Давид пел бесноватому царю. И пел часто. Казалось, музыка сильно действовала на Саула, помогала ему. Когда Давид пел, все во дворце прислушивались к звукам в царской палате и дивились столь чудным словам и мелодии. Кажется, самой любимой у всех была песня, которая была посвящена маленькому ягненку. Люди, как и ангелы, любили в этой песне все до последнего слова и звука.

Но беда в том, что царь Саул был болен завистью, и от этого бесновался еще больше. Или наоборот... В любом случае, он чувствовал некую угрозу от Давида. Впрочем, всем известно, такое часто происходит со многими царями, когда в их царстве появляется талантливый и любимый всеми юноша с многообещающими задатками. Но вдобавок к этому, по глубокому и тайному предчувствию, и царь, и юноша знали, что однажды молодой займет место старого.

Но взойдет ли Давид на трон честным или обманным путем? Этого Саул не знал. И это тоже сводило его с ума.

Давид же чувствовал, что попал в какое-то необъяснимо сложное положение. Он переживал разворачивающуюся вокруг него драму, но, казалось, понимал нечто такое, что могли понимать лишь немногие из мудрейших того времени. То, что в наши дни понимают еще меньше, хотя люди считают себя намного мудрее своих предшественников.

Что же это было? А то, что Богу нужно было, чтобы кто-то жил с болью...

Богу нужен был сокрушенный сосуд...

Глава IV

Вот, они подстерегают душу мою; собираются на меня сильные

Безумный царь видел в Давиде угрозу своему царству. Казалось, царь забыл или не знал, что следует оставить Богу решать вопросы, какому царству устоять и против чего. А поэтому Саул делал то, что делают обычно все одержимые цари. Он кидал в Давида копья...

А почему бы и нет, ведь он царь. Ему можно. Да, никто не мог ему этого запретить.

Ах, как хорошо метнуть копье в неугодного. Просто так, взять и метнуть. Царям можно делать такие вещи, они им удаются. И они почти всегда их делают... Почти все цари... Они считают, что у них есть право бросаться копьями. И все это знают. Откуда? Просто потому, что царь им так говорил — много, много раз. Но вопрос на самом деле не в этом.

* * *

Может ли быть бесноватый царь настоящим царем и даже Божиим помазанником?

К примеру, твой царь? Божий ли он помазанник? Может быть, — да, а, может быть, и — нет.

Никто никогда не может знать этого наверняка. Хотя люди и говорят, что знают. Даже наверняка.

Но на самом деле они не знают. Бог — знает. Но Он не скажет.

И если твой царь и вправду Божий помазанник, но также швыряет копья, все же есть единственное, что ты можешь знать наверняка: твой царь точно одержим... И он царь по роду царя Саула...

Глава V

Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного...

У Бога есть университет. Небольшой. Немногие туда поступают, еще меньше заканчивают. Воистину очень, очень немногие.

Бог держит эту школу потому, что совсем не стало сокрушенных людей. Вместо них имеются иные человеческие типы, например, такие, которые объявляют себя Божией властью, но на самом деле ею не являются. Есть считающие себя сокрушенными, но на самом деле они далеко не таковы. А есть такие, которые, хотя и являются помазанниками Божиими на власть, но одновременно совершенно бешеные и уж точно не сокрушенные. Увы, у Господа есть также целая промежуточная палитра. Этого всего у Него в избытке, но вот сокрушенных людей — их почти нет.

Почему же так мало учащихся в этой священной школе покорности и сокрушения? Потому что всем, кто в нее зачислен, приходится переносить много боли. Сколько? Нетрудно догадаться, что ее количество определяет несокрушенный правитель, которого Бог выбирает по Своей воле.

Давиду довелось быть учащимся этой школы. Саул же был Богом избран в качестве инструмента для сокрушения Давида.

Но пока царь возрастал в неистовстве, Давид возрастал в понимании и послушании. Он знал, что помещен в царский дворец под власть, назначенную Богом, а, значит, настоящую власть.

Как?! Власть царя Саула — настоящая? Да. Богом избранная. И для Давида назначенная... — несокрушенная власть.

Значит, это возможно?

Давид вздохнул... покорился своему беснующемуся царю и двинулся дальше, по тропе своего земного ада.

Глава VI

Утверди стопы мои в слове Твоем

Давида мучил вопрос: что делать, когда в тебя метают копья? Не странно ли? Как можно не знать ответа? Ведь любой знает, что надо делать, когда в тебя бросают копья. Это так просто подбирай копье и кидай обратно!

Когда кто-нибудь кинет в тебя копье, Давид, просто выверни его из стены и кинь назад. Так делают абсолютно все, можешь быть в этом уверен.

Этим маленьким подвигом возврата кинутых копий ты докажешь многое, Ты мужествен. Ты стоишь за правду. Ты смело противостоишь злу. Ты крепок, и тобой нельзя помыкать. Ты против несправедливости и нечестивых поступков. Ты — защитник веры, хранитель устоев, распознаватель вероломства. Ты не поддашься злу.

Все это вместе разве не говорит о том, что ты можешь претендовать на царство? Да, да, возможно, ты и есть будущий царь...

По роду царя Саула.

Если это так, то как же возможно, что спустя каких-нибудь двадцать лет после вступления на трон ты станешь самым искусным метателем копий во всем царстве. И очень вероятно — также совершенно одержимым.

Глава VII

Но я всегда с Тобою: Ты держишь меня за правую руку

За всю историю метания копий Давид стал первым, кто не знал, как поступить, когда их в тебя кидают. Он не метал копья Саула назад. Не делал и собственных, чтобы бросать в него. Что-то было в Давиде такое, что отличало его поведение от привычного, принятого среди людей. Все, что он делал, — это лишь то, что уклонялся.

В самом деле, что может сделать человек, тем более молодой, если царь задумает использовать его в качестве мишени?

Прежде всего, притвориться, что ничего не замечает. Даже если копья летят прямо в него. Во-вторых, он должен научиться уворачиваться... очень быстро. И, наконец, — вести себя так, как будто совсем ничего не происходит.

Легко определить, когда человека задело копьем. Он покрывается густой тенью обиды. Давида не задевало никогда. Со временем он узнал скрытое от всех. Это были три вещи, которые всегда спасали от попадания;

Первое — никогда не учись этому излюбленному всеми искусству метания копий;

Второе — избегай общества всех копьеметателей;

Третье — держи рот на замке.

Вот тогда копья никогда не заденут тебя.

Даже если пройдут через сердце...

Глава VIII

По слову уст Твоих, я охранял себя от путей притеснителя

— Мой царь взбесился. По крайней мере, мне так кажется. Что же мне делать? Прежде всего, признай этот непреложный факт: ты не можешь знать (никто не может), кто помазанник Божий, а кто — нет. И даже если все будут клясться, что те-то цари — по роду Саула, может оказаться, что они на самом деле цари — по роду Давида. И, наоборот, если о других царях также будут утверждать, что они — по роду Давида, может статься, они принадлежат к роду царя Саула. Кто прав? Кто может знать? Какой голос слушаешь ты? Нет мудреца, способного раскрыть эту загадку. Все, что мы можем, это всего лишь быть рядом и задавать себе вопрос:

— *Является ли этот человек помазанником Божиим? А если да, то по какому роду? ... Саула?*

Запомни этот вопрос хорошенько. Возможно, тебе придется задавать его тысячи раз.

Особенно если ты живешь в царстве, правитель которого, может быть, просто сошел с ума.

Кажется, что тут сложного — задавать себе этот вопрос? Но это не так.

Особенно когда ты сильно плачешь...

И уворачиваешься от ударов...

И испытываешь искушение ответить...

И тебя на это подталкивают все вокруг...

И соглашаются с этим и твоя рассудительность, и логика, и разум, и здравый смысл.

Но запомни в слезах своих: ты знаешь только вопрос, но — не ответ.

Ответа не знает никто.

Кроме Бога

А Он никогда не скажет.

Глава IX

Господь испытает праведного и нечестивого

— Тебе не понравилась последняя глава?

— Вопрос без ответа, — скажешь ты.

— И что же все-таки делать, если царством, в котором я живу, управляет царь-копьеметатель, а я — его мишень? Уйти? Если да, то как?

Как должен вести себя человек в разгар подобных состязаний?

Если тебе не понравился вопрос в предыдущей главе, не понравится и ответ в этой!

А ответ таков: ждать, пока не забьют до смерти.

— Какая необходимость в этом? Да и какая от этого польза?!

Ты смотришь не на того царя Саула!

Пока ты будешь смотреть на своего царя, ты будешь винить его — и только его — за тот ад, в котором ты находишься. Будь осторожен, потому что Бог устремил Свой взор на другого Саула. Не на того, видимого, явного, бросающего в тебя копья. Нет, Бог смотрит на другого Саула. Столь же плохого, а, возможно, — и хуже.

Бог смотрит на царя Саула в тебе.

— Во мне?

— Да, Саул у тебя в крови, в мозгу твоих костей. Из него состоят сама плоть и мышцы твоего сердца. На нем замешена твоя душа. Он живет в тебе.

Царь Саул и ты — едины.

Ты — царь Саул!

Он дышит в легких и бьется в груди каждого из нас. И есть только один путь избавиться от него. Он должен быть уничтожен.

Вероятно, это не очень приятно осознавать, и для тебя это никак не комплимент, но, по крайней мере, теперь ты знаешь, почему Богу было угодно поставить над тобой твоего царя, который только возможно является Саулом.

*

Пастух Давид мог бы со временем превратиться в царя Саула Второго, если бы Бог не вырезал Саула из сердца Давида. О, это была длительная и тяжелая операция, она заняла годы и явилась жестоким испытанием, едва не убившим пациента.

Чтобы удалить этого внутреннего Саула из сердца Давида, в качестве скальпеля и пинцета Бог использовал Саула — внешнего.

Потому-то царь Саул, мечтая сам уничтожить Давида, на деле оказался лишь инструментом в Божиих руках для умерщвления того Саула, который скитался в пещерах Давидовой души. Да, это правда.

И пока из сердца Давида удалялась Саулова сущность, Давид умирал, он был фактически сокрушен... Иначе...

И Давид принял свою судьбу. Безропотно и покорно. Он проявил мужество, но при этом — ни тени гордости и самооправдания. Молча, в одиночестве, он переносил суровые испытания и унижения. Глубока была его рана. Все внутреннее его существо было изувечено.

Лик его был изменен. Когда же все это прекратилось, Давида нельзя было узнать.

* * *

— Тебе не нравится такое решение вопроса?

Никому из нас не нравится.

Кроме Бога...

Глава X

Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне

Приходит момент, когда изменяется вся дальнейшая жизнь человека. Этот момент нужно почувствовать.

Как можно узнать, что пришло, наконец, время оставить своего царя? Тем более если этот царь по роду царя Саула?

Давид никогда не принимал такого решения. За него это сделал сам царь. Все решил его указ: «Загоните его и убейте, как собаку!» И только тогда Давид ушел. Нет, он бежал.

Но даже тогда он не говорил ни слова против Саула и не предпринял попыток поднять на него руку.

А, главное, уходя, он не расколол царства. Он не увел с собой никого. Он ушел один.

Один. Совсем один.

Хотя не должен был царь Саул Второй так поступать. Он должен был бы взять с собой тех, кто настаивает пойти вместе. Ведь эти люди хотят помочь основать новое царство, царство Саула Второго. И они никогда не уходят поодиночке.

А Давид ушел один. Ведь настоящий Божий помазанник может уйти один. И это единственный для него способ уйти из царства — уйти одному.

Совсем одному.

Глава XI

Я стенаю в горести моей, и смущаюсь от голоса врага

Пещеры — не лучшее место для укрепления морального духа. В каких бы пещерах ты ни жил, все они чем-то схожи. Темно. Сыро. Холодно. Душно. А если ты единственный ее обитатель, то и того хуже. А еще когда издали доносится лай собак...

Но иногда, когда собаки и охотники были где-то далеко, наступали минуты успокоения, и тогда...

Гонимый беглец начинал петь. Сначала тихо. Затем голос его возвышался: лилась песнь, которая родилась еще тогда, когда рядом был маленький ягненок. Пещерные стены отражали каждый звук, точно так, как когда-то это делали горы. Мелодия стекала вниз, в глубину пещерной тьмы, и вскоре эхо превращало ее во вторящий ему хор.

Но теперь Давид не имел даже того малого, чем обладал раньше, будучи пастухом: ни арфы, ни солнца, ни даже компании овец. Воспоминания о царском дворце ушли. Теперь самая великая из амбиций Давида не превышала и пастушьего посоха. Все горделивое из него было выжато.

Он много пел. Пел и плакал...

Каждый новый вздох и звук сопровождался слезами.

Не правда ли, удивительно, что может рождаться в страдании?

Там, в пещерах, утонув в печали своей песни и в песне своей печали, Давид стал величайшим из всех, когда-либо известных миру, создателем гимнов и утешителем сокрушенных сердец.

Глава XII

Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его

Он бежал и бежал... По мокрым полям, по скользким берегам рек. Иногда собаки находили его и почти настигали. Но спасали быстрые ноги, овраги и ямы. Он ел то, что находил в полях, рыл придорожные корни, спал на деревьях, прятался в расщелинах, пробирался чрез тернии и грязь.

Он бежал целыми днями, не отваживаясь остановиться, чтобы передохнуть и что-то поесть.

Жажду утолял случавшийся дождь. Полуголый, весь в грязи, он шел, спотыкался и полз, цепляясь за землю ногтями.

Пещеры теперь становились дворцами. Ямы — домом.

Ушли те времена, когда матери говорили своим детям, что если те не будут послушны, закончат, как городские пьяницы. Теперь, когда получила известность новая история, получше и пострашнее, стали поучать: «Будь хорошим, не то закончишь, как тот победитель великана».

В Иерусалиме, где учили покорности царям и почтению к помазанникам Божиим, жизнь Давида стала притчею: «Вот, что Бог делает с мятежниками...» Юные содрогались при этом и твердо решали не иметь ничего общего с бунтом.

Так было тогда, так это теперь, так будет всегда, пока существует этот мир.

Но однажды Давид достиг чужой земли, а с этим и какой-то, хоть малой, доли безопасности.

Действительно, очень малой, потому что и здесь было много тех, кто его боялся и ненавидел, а потому клеветал и строил против него коварные замыслы. Его и здесь пытались убить.

Это было время мрачное для Давида. Это нам теперь известно, но не ему тогда, что это были дни перед его воцарением. Он полагал, что такова его судьба навсегда.

В страдании происходило рождение. Рождалось смирение.

По земным меркам он был совершенно разбитым человеком.

По небесным — сокрушенным.

Глава XIII

Наведи, Господи, страх на них; да знают народы, что человеки они

Наконец, и другие вынуждены были бежать, по мере роста царского неистовства. Сначала один, потом трое, потом и десять, и, в конце концов, — сотни. После длительного блуждания некоторые из этих беглецов встречали Давида.

Они долго не видели его и, конечно же, не узнавали. Он изменился весь: и внешность и характер, и вся суть. Он почти ничего не говорил. Больше любил Бога. По-другому пел. Таких песен они никогда

раньше от него не слышали. Некоторые были настолько поразительны, что словами этого нельзя было передать. А от иных и вовсе кровь стыла.

Так «собрались к нему все притесненные, и все должники, и все огорченные душою, и сделался он начальником над ними; и было с ним около четырехсот человек».

Те, кто нашли его и решили стать его товарищами по бегству, были всего лишь жалкой, бестолковой компанией. Это были воры, лжецы, нытики, придиры и бунтари с непокорными сердцами. Они были слепы от ненависти к царю и, следовательно, ко всякой власти. Они бы доставили много хлопот и в раю, попади они туда.

Давид не был их вождем. Он не разделял их взглядов и интересов. И все же они добровольно последовали за ним.

Он никогда не говорил им о власти. Он никогда не говорил о подчинении ему, не устанавливал никаких правил. Но все они покорились ему.

Законничество — это слово, уж конечно, не из словаря беглецов. Тем не менее они очистили свою внешнюю жизнь. А постепенно и внутренняя их жизнь тоже стала изменяться.

Они не боялись покорности или власти. Они вообще не думали и не говорили об этом. Почему же они шли за ним? Точнее говоря, они и не шли за ним. Просто он был для них... Давидом. И объяснений уже не требовалось.

Таким образом, родилось...

Настоящее царство.

Глава XIV

Но я всегда с Тобою: Ты держишь меня за правую руку

— Почему, Давид, почему?

В пещере беспокойно толклись люди. С большим трудом они начали успокаиваться. Все были в замешательстве, как и Иоав, который за всех вопрошал к Давиду и ждал немедленных ответов.

Давид, казалось бы, должен был смутиться или начать оправдываться. Но ни того, ни другого не последовало. Он смотрел как бы сквозь Иоава так, будто видит иной мир, коего никто из окружающих его не может увидеть.

Иоав подошел к Давиду, встал прямо перед ним и обрушил на него все свое возмущение:

— Сколько раз он покушался на тебя в своем дворце! Я своими глазами видел, как он бросал в тебя копьё. Наконец, ты сбежал. Уже годы, как ты — заяц для его охоты. Более того, весь мир верит его клевете на тебя. И вот он, сам царь, пришел обыскать все пещеры, ямы и канавы, чтобы найти тебя и убить, как собаку. Но сегодня он был на конце твоего собственного копья, и ты ничего не сделал!

Посмотри на нас. Мы снова звери. Менее чем час назад ты мог освободить всех нас. Да, мы все могли бы быть свободны прямо сейчас. Свободны! И Израиль тоже. Он был бы свободен. Почему, Давид, почему ты не покончил с этими годами нищеты?

Люди неловко зашевелились. Они не привыкли видеть, как упрекают Давида.

Давид долго молчал.

— Потому, — начал он медленно (и с мягкостью, которая как бы подчеркивала: «Я слышал, что ты спросил, но не как ты спросил»), — потому что когда-то... очень давно, он не был бесноватым. Он был молодым. Он был великим. Великим в глазах Бога и людей. Ведь это Бог сделал его царем, Бог, а не люди.

Взорвавшись, Иоав выпалил:

— Но сейчас-то он бешеный! И Бог оставил его. Нет, Давид, он все же убьет тебя!

На этот раз ответ Давида прозвучал быстро и твердо:

— Пусть лучше он убьет меня, чем я научусь у него.

Пусть лучше он убьет меня, чем я стану таким, как он. Я не буду заниматься тем, что рождает в царях бешенство. Я не буду ни метать копьё, ни растить ненависть в своем сердце. Мстить я не буду. Я не буду убивать Божиего помазанника. Ни сейчас. Ни потом!

Иоав был не в состоянии вместить такого бессмысленного ответа и порывисто исчез во тьме.

В эту ночь люди легли спать на холодных мокрых камнях, недовольные и не понимающие нравственных самоистязаний их вожды, его благородного отношения к царям, в особенности, бешеным.

А Ангелы в ту ночь смотрели на мир с надеждой, что Бог еще даст Свою Силу достойному сосуду.

Глава XV

Я вознес избранного из народа Моего

Что же за человек был Саул? Кем был тот, кто сделался врагом Давида?

Помазанник Божий. Освободитель Израиля. И все же его помнят, главным образом, за его безумие.

Но забудь плохое. Оставь осуждение. Забудь эту его репутацию. Посмотри на факты. Саул был одной из величайших фигур в истории человечества. Он вырос на ферме и был настоящим хорошим деревенским ребенком. Он был высоким, красивым и любимым.

Он был избранник Божий. К тому же его род был родом особым. В его родословии было несколько великих людей всего человечества: Авраам, Иаков, Моисей. Это были его предки.

Помнишь историю? Авраам основал народ. Моисей освободил этот народ от рабства. Иисус Навин дал этим людям ступить на землю, которая была обещана им Богом. Судьи удерживали все от развала и полного хаоса непокорности.

Тогда-то и появился Саул. Именно Саул взял этих людей и соединил их в единое царство.

Саул объединил непокорный народ и основал царство. Немногие люди совершали такое. Он создал армию из ничего. Он побеждал в битвах Божией силой, поражал врага вновь и вновь. Не многим такое удавалось. Помни это, и не забывай, что на этом человеке было Божие благословение. Более того, он был пророком. Дух сходил на него с силой и могуществом. Он говорил и делал невиданные вещи, и все — силой Духа, почивающего на нем.

Он был всем тем, чем люди хотели бы быть и сегодня: облечен реальной силою свыше, способный делать многое — даже то, на что не идет Бог, — вождь избранный Богом, с силой от Бога. Он был Божиим помазанником, и Бог относился к нему именно так.

Но одновременно... Он был снедаем завистью, исполнен гордостью и готовностью жить в духовной тьме.

Есть ли правда в этих противоречиях? Да, есть, и она разобьет вдребезги многие из твоих представлений о власти, о великих людях, о Божиих помазанниках и, о Самом Боге.

Многие люди молятся о даровании им силы. С каждым годом — все больше. Эти молитвы звучат мощно, искренне и без сомнений.

Однако кроется ли за этой молитвой и рвением что-то кроме честолюбия, жажды славы и желания быть признанным героем? Так молится человек, который может даже не подозревать об этом, но темные мотивы и желания тем не менее находятся у него в сердце... и в твоём сердце тоже...

Даже когда люди молятся об этом, внутри они остаются пустыми. Внутренний духовный рост отсутствует. Молитва о силе и власти — быстрый и короткий путь в обход внутреннего роста.

Существует огромная разница между внешним облечением силою от Бога и внутренним наполнением жизнью Духа. В первом случае, несмотря на данную силу, скрытый внутренний человек может остаться прежним. В последнем же — этой силой изменяется неизменяемое ничем иным, кроме нее.

А Бог? Он слышит в любом поколении все эти просьбы о силе, эти пламенные молитвы от молодых людей. И Он отвечает на них! Очень часто. Он удовлетворяет эти просьбы о силе и власти. Иногда, внимая им, Он говорит «да» порою очень недостойным сосудам.

Как?! Он наделяет силой недостойных людей? Своей силой? Даже если эти люди внутри — груда мертвых костей?

Почему Бог делает такое?

Ответ и простой, и в то же время обескураживающий. Иногда Он наделяет недостойные сосуды большей силой, чтобы со временем обнажить для всеобщего обозрения истинное состояние внутренней наготы в этом человеке.

Поэтому подумай еще раз и запомни. Бог иногда дает силу людям без видимых причин. Человек может жить в самом грубом из грехов, а внешний дар при этом будет по-прежнему действовать совершенно. Дары Бога, данные однажды, неотъемлемы. Даже при наличии греха.

Более того, некоторые люди, живущие такой жизнью, являются помазанниками Божиими... И в Божиих глазах. Саул был живым доказательством этой истины.

Дары, назад не отбирают. Ужасно, правда?

Если ты молод и никогда не встречался с подобным, будь уверен: когда-нибудь, в ближайшие сорок лет, ты это увидишь. Высокоодаренные и очень сильные люди, признанные вождями в Божием Царстве, творят очень темные и безобразные дела.

Что нужно этому миру? Одаренные люди, наделенные внешней силой? Или сокрушенные личности, внутренне перерожденные?

Не забывай, что некоторые люди, которым была дана Божия сила, поднимали армии, поражали врага, совершали великие дела Божии, проповедовали и пророчествовали с несравнимой силой и красноречием...

И метали копья,
И ненавидели ближних,
И нападали на слабых и беззащитных,
И замыслили коварные убийства,
И пророчествовали, будучи тщеславны и горды,
И даже... Обращались к колдуньям...

Глава XVI

Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет

— Как наверняка узнать Божиего помазанника? — спросишь ты.

Нам не дано знать. Но помни: даже Саулы — часто ими бывают.

Всегда найдутся люди в любом обществе, которые тебе скажут: «Этот человек по роду царя Саула». В то время, как другие столь же уверенно заявят: «Нет, он Божий помазанник по роду Давида». И никто не знает на самом деле, какой ответ является истинным.

Помни: твой вождь может быть Давидом!

— Это невозможно!

— Разве? Большинство из нас знает, по крайней мере, двух людей, которые были в роду Давида и которых проклинали и распяли люди. Они были распяты людьми, уверенными, что те, кого они распинают, не Давиды.

И если тебе неизвестны два случая, то один ты знаешь наверняка.

Те из нас, которые идут дорогой Саула, нередко распинают среди нас Давидов.

— Но кто может знать, где — Давид, а где — Саул?

— Знает Бог. Но Он не скажет.

Будешь ли ты настолько уверен в том, что твой царь — Саул, а не Давид, что пожелаешь занять место Бога и пойти войной против своего Саула? Если так, то позволь поблагодарить Бога и поблагодари Его сам за то, что тебя не было во дни Голгофы.

Что же тогда ты можешь сделать? Очень мало. Возможно, ничего.

Однако время скажет о твоём вожде очень многое.

И то же течение времени, и то, как ты реагируешь на этого вождя, — будь он Давид или Саул, — раскроет очень многое о тебе.

Глава XVII

Вспоминаю дни древние

Через два поколения после этих события некий молодой человек с чувством героя вступил в армию Израиля под предводительством нового царя. Вскоре до него стали доходить легенды о славных храбрецах Давида, и он твердо решил узнать, не остался ли кто-либо из них в живых, и если да, то непременно найти его, хотя, по подсчетам, такому человеку должно было бы быть более ста лет от роду.

И такой человек нашелся. Немедленно разузнав о нем наш герой поспешил к его жилищу. С волнением он постучал в дверь. Когда та медленно открылась, юноша увидел перед собой беловласого великана, лицо которого покрывало множество морщин.

— Не вы ли, господин, один из храбрецов Давида, из далекого прошлого, один из тех, о коих мы так много слышали?

Старик долго смотрел на молодого человека, на его одежду и воинские доспехи. Затем старческим, но твердым голосом, не отводя взгляда от лица юноши, он произнес:

— Если ты спрашиваешь, не я ли бывший вор и пещерный житель, последовавший за плаксивым беглецом, то да, это я. Я был одним из «храбрецов Давида».

И хотя в словах старика звучала непочтительная усмешка, при последней фразе он с достоинством выпрямился.

— Но... почему Великого Царя вы называете слабаком? Разве он не был величайшим из всех правителей?

— Он не был, конечно, слабаком, — ответил старик. Затем, поняв причину, по которой этот увлеченный юноша стоял у его двери, он добавил мудро и мягко: «Но и великим вождем он не был тоже».

— Что же тогда, господин? Ведь я пришел узнать про Великого Царя и про его... храбрецов. В чем же было тогда величие Давида?

— В тебе, я вижу, говорит честолюбие юности, — сказал старый воин. Очевидно, ты мечтаешь и сам однажды повести людей. Помолчав, он продолжил задумчиво. Да... я расскажу тебе о величии моего царя, но мой рассказ может удивить тебя.

Глаза старика наполнились слезами. Он вспоминал Давида, потом подумал о безрассудном молодом царе, только вступившем на престол, и начал:

— Я расскажу тебе о моем царе и его величии.

Мой царь никогда не угрожал мне, как это делает ваш. Ваш новый царь начал свое правление с законов, правил, предписаний и запугиваний. Самое яркое воспоминание, оставшиеся у меня о моем царе, от тех дней, когда мы жили в пещерах, это то, что его жизнь была покорностью. Да, он показывал мне покорность, но не власть. Он учил меня не немедленным действиям по правилам и законам, а искусству терпения. Именно это изменило мою жизнь. Законничество есть не что иное, как попытка начальствующего избежать страданий. «Правила были изобретены старейшинами, чтобы они могли пораньше ложиться спать». Люди, твердящие о власти, тем самым только доказывают, что у них ее нет. Цари же, произносящие речи о подчинении, выдают двойной страх в своих сердцах: они не уверены, являются ли они истинными вождями, посланными Богом, и что живут в смертельном страхе восстания.

Мой царь не говорил о подчинении ему. Он не боялся восстания, потому что его не волновало свержение с трона! Даже тогда, когда он его получил.

Давид научил меня проигрывать, а не побеждать. Давать, а не брать. Он показал мне, что наставнику, а не ученику, достаются неудобства. Он ограждал нас от страданий, а не раздавал их нам.

Он научил меня понимать, что власть уступает восстанию, особенно когда это восстание — лишь результат незрелости, а то и глупости.

Старик замолк, очевидно, вспоминая какие-то эпизоды из той жизни в пещерах, — может быть, трагические, а, может быть, и курьезные.

— Нет, — продолжил он, на сей раз очень серьезно, — власть от Бога не страшится тех, кто бросает ей вызов, не оправдывается, не защищает себя и ни капли не боится свержения.

В этом-то и было величие нашего Вели... Настоящего Царя.

Старик повернулся, чтобы уйти. В этом его движении были величие и простота одновременно. Затем он еще раз обернулся к юноше:

— Была ли у Давида власть? Люди, у которых ее нет, только и твердят о ней: покорись! подчинись! У Давида — была власть. Только я не думаю, чтобы это когда-либо занимало его голову. Нас было шесть сотен, далеко не образцового поведения, идущих за ним, за нашим вождем, который много плакал. Вот и все о нас, кем и какие мы были.

Это были последние слова, которые молодой солдат услышал от старого воина.

Тихо выйдя на улицу, юноша не знал, будет ли он когда-нибудь счастлив, служа в армии своего царя Ровоама.

Глава XVIII

У Тебя не водворится злой

Ну что же? Ты узнал историю Саула и Давида. Изменилось ли что в твоём сознании? Теперь ты уверен, что человек, который правит тобой, совсем не обязательно от Бога?.. Или, если он от Бога, то,

в лучшем случае, он — Саул? Боже, как бываем уверены мы, смертные, в том, о чем даже ангелы не судят.

Можно ли спросить тебя тогда, что собираешься ты делать с этим твоим новым знанием? Да, да, я знаю, конечно же, ты не Саул и не Давид, а всего лишь простой подданный своего царства. Но ты все же собираешься поделиться своими новыми открытиями с немногими друзьями? Понятно. Но тогда мне следует предупредить тебя: не будь опрометчив, здесь кроется опасность. С твоим сердцем может произойти нечто странное и неожиданное для тебя. Видишь ли, это возможно..., но, постой-ка!

Что это я вижу вон там? Там! В той далекой дымке позади тебя. Повернись. Ты видишь? Что это за призрачная фигура пробирается сквозь туман? Кажется, я видел ее раньше.

Посмотри получше. Разве мы не можем разобрать, что он там делает? Похоже, он наклоняется над каким-то древним сундуком. Да, смотри, он открыл его.

Кто же он такой? И что же все-таки он делает? Вот он вынул что-то из сундука. Какая-то накидка. Смотри, он надевает ее! Эта штука прекрасно сидит на нем, ниспадая с его плеч, как мантия.

И вот он снова залезает в сундук... Я знаю! Я видел этого человека где-то раньше. Что он еще вынимает? Кажется, щит... Нет, смотри — это... герб. Да, это герб какого-то древнего рода. Он держит его так, будто он — его собственность!

Кто этот человек? Эта манера держаться... Выправка. Осанка. Несомненно, я уже видел это раньше. Я уверен. Смотри, он вышел на свет. Сейчас мы увидим его ясно.

О, это лицо. Неужели это ты?!

Да, так. Это ты! Ты, который может так мудро определить присутствие недостойного Саула!

Пойди, посмотри в зеркало. Этот человек — ты! Посмотри-ка имя на гербе...

Видишь?

Авессалом Второй!!!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава XIX

Не восхотел благословения, — оно и удалится от него

— Посмотрите, Давид!

Широкие улыбки, радостные возгласы, веселый смех:

— Смотри, Давид, да и только!

Снова улыбки, приветственные взмахи рук, всеобщее удовольствие.

— Это не Давид, — воскликнул мальчик своему опекуну, когда они проходили по улице. Почему они так говорят? Этот человек не Давид!

— Правильно, дитя. Это не Давид. Это всего лишь шествие Авессалома.

— Но почему его называют Давидом? — не унимался мальчик, оглядываясь через плечо на красивого молодого мужчину в колеснице, перед которой бежали пятьдесят человек.

— Потому что он напоминает нам всем Давида, когда тот был молодым. И еще потому, что мы все рады сознавать, что когда-нибудь он будет достойным преемником своего отца. Может быть, еще и потому, что Авессалом красивее Давида. Возможно даже, что он самый красивый из всех живущих.

— А Авессалом скоро станет царем? Сколько лет Давиду? Ему пора умирать?

— Конечно, нет, мой мальчик. Давай подумаем: сколько лет Давиду... Вероятно, ему столько же, сколько было Саулу, когда его правление подошло к концу.

— А сколько лет Авессалому?

— Примерно столько же, сколько было Давиду, когда Саул так яростно пытался его уничтожить.

— Давид в возрасте Саула... Авессалом в возрасте Давида перед своим воцарением — вычислял мальчик. Некоторое время они шли молча. Наконец, после каких-то своих, видимо, глубоких размышлений ребенок вновь принялся расспрашивать:

— Саул очень жестоко притеснял Давида, да?

— Да, очень.

— И Давид собирается так же поступить с Авессаломом? Будет ли Давид его притеснять?

Старик помолчал, чтобы обдумать ответ, но мальчик продолжал:

— Если Давид будет плохо обращаться с Авессаломом, то будет ли Авессалом вести себя так же благородно, как Давид?

— Дитя, на это нам ответит будущее... Боже мой, какие вопросы ты задаешь! Если ты, когда вырастешь, сможешь отвечать на них так же хорошо, как сейчас спрашиваешь, то ты наверняка станешь известен как самый мудрый человек на свете.

Они вошли в ворота дворца...

Глава XX

Долго жила душа моя с ненавидящими мир

Знакомство с человеком, который видел все так ясно, радовало сердце. Его хотелось назвать проницательным.

Да, это слово прекрасно его определяло — проницательный. Он мог проникать в сердце любой проблемы.

Люди приобретали уверенность, уже просто находясь рядом с ним. И они стремились к этому. Общаясь с ним, они чувствовали себя мудрее, чем были. Такое открытие им нравилось. Когда он обсуждал вопрос за вопросом, решение за решением, люди начинали мечтать о том дне, когда он станет их царем. Очевидно, он мог бы выправить столько неправильного. Он вселял в них надежду.

Но этот впечатляющий, проницательный юноша никогда не будет намеренно торопить день своего воцарения. В этом они были уверены. Он был для этого слишком кроток, слишком почтителен к своему отцу. Понемногу все вокруг даже начинали немного расстраиваться, что им придется долго ждать — до лучших дней правления этого человека.

Чем больше они видели и говорили с ним, тем больше они осознали, что в их царстве есть что-то неладное. Да-да, именно неладное, о чем раньше они никогда не думали. На поверхность выходили такие проблемы, какие им и не снились. Да, стало быть, их мудрость и проницательность действительно возрастали.

День за днем приходящих послушать становилось все больше и больше. Постепенно и тихо распространялся слух: «Вот тот, кто понимает и у кого есть ответы». Приходили обиженные. Они слушали и задавали вопросы, а, получая радующие ответы, начинали строить планы.

Кивали головами. Рождались мечты. Со временем такие собрания становились все чаще. Обиды росли, превращаясь уже в целые истории. Истории обид, которые другие сочли бы, возможно, малозначимыми. Но только не этот новый слушатель! Он был сострадательн. И пока все вокруг него говорили, обнаруженные обиды, казалось, вырастали в числе, размерах и жестокости. С каждой новой историей люди все больше поражались несправедливости, которая, казалось, теперь была угрожающей.

Но мудрый молодой человек продолжал тихо восседать и не добавлял ни слова к этому нарастающему ропоту.

Понимаешь ли, он был слишком благороден и всегда заканчивал вечерние разговоры своим кротким словом в защиту тех, на ком лежит ответственность...

Но было бы опрометчивым ожидать, что кто-то смог бы так сидеть вечно. Этот бесконечный поток обид, казалось, мог расшевелить и самого благопристойного человека. Даже самые чистосердечные были бы уже охвачены гневом.

Такой сострадательный человек, конечно же, не мог отвращать свое лицо от этих обид, не мог вечно молчать. Такой благородный характер, как этот, должен был, наконец, проявить себя.

Его сторонники — а он продолжал категорически не признавать их за собой — все больше накалялись. Их знание о нестроениях в царстве не просто росло: оно уже переполняло их. Все хотели уже что-нибудь сделать для разрешения этих бесконечных неправд.

Наконец, стало похоже, что этот великолепный молодой человек готов уступить. Сначала — лишь слово. Потом — фраза. Людские сердца затрепетали, и все готовы были возрадоваться. Благородство, наконец, поднималось для дела... Но нет! Вдруг он предостерег их от неправильного понимания. Да, он был в печали. Он не может выступить против тех, кто облечен властью. Нет, абсолютно нет. Как ни велики скорби людей и ни важно выступление, он — не пойдет на это.

И все же он печалился все больше и больше. Казалось, что некоторые известия доводили его до страдания. И однажды его праведный гнев вылился в холодных и взвешенных словах, полных силы: «Этого не должно быть, — провозгласил он, встав, глаза его горели, — если бы ответственность была на мне, я бы сделал вот что...»

И этого было достаточно, чтобы загорелся мятеж. Охвачены были все, кроме одного. Этот

благородный и честнейший человек оставался спокойным.

В его сердце мятеж жил уже годы...

Глава XXI

Кто мудр, тот заметит сие и уразумеет милость Господа

— Эй, мудрец!

— Да.

— Можно тебя на минутку!

— Ну, конечно. У меня много времени.

— Ты только что пришел с собрания друзей в доме Авессалом?

— Да, это так.

— Ты не поделишься кое-какими впечатлениями о том, что там было?

— Ты имеешь в виду общее впечатление об Авессаломе и его друзьях?

— Да, это было бы здорово.

— Ну, я встречал много людей, подобных Авессалому. Много.

— Тогда скажи, что это за человек?

— Он одновременно и искренен, и честолюбив. Это противоречиво, но тем не менее справедливо.

Вероятно, в кое-что, о чем он говорит, он, действительно, верит. Но его искренность продержится недолго после того, как он обнаружит свою неспособность осуществить обещанное. Исправление неверного всегда становится второстепенным при восхождении к власти.

— Прости, мудрец, в чем это противоречие выражается?

— Два момента встают в моей памяти. На одном собрании, когда Авессалом отвечал на вопросы, он подчеркивал, что должно быть больше свободы в царстве. Всем это понравилось. «Мы должны идти только за Богом, а не за людьми, — сказал он. — Люди должны делать только то, что дано им Богом, по их разумению. Только Бог должен вести людей, а не человек». Примерно такими были его слова.

На другом собрании он говорил о великих откровениях, которые у него были о Божием царстве, — о великих достижениях, на которые способны люди. Он говорил о многих изменениях, которые он внес бы в управление царством. Казалось, он не замечал сам, что излагал две совершенно несовместимые вещи. Много изменений посредством его власти и больше свободы.

На самом деле, он напоминает мне многих других людей, которых я встречал в прошлом далеком и не очень.

— Мудрец, мне кажется, я понимаю, о чем ты говоришь, но что из этого всего выйдет?

— Авессалом мечтает. Мечтает о том, что должно быть, о том, что будет: «Вот что я сделаю», — говорит он. Но чтобы осуществить эти мечты, он должен иметь поддержку народа. О, это то, что люди упускают из виду. Подобные мечты основываются полностью на том, что Народ Божий пойдет за новым вождем, что все будут видеть так, как видит он. Такие люди, как Авессалом, не могут предвидеть проблем в своем будущем царстве. Возможно, Народ захочет за ним последовать, а, возможно, и нет. [Народ-то Божий, а значит более восприимчив к Воли Божией, чем другие народы!]

[Даже] Божий Народ будет идти за вождем самое большее — несколько лет. Люди никогда не поддерживают никого очень долго. Они, в основном, делают то, что им нравится. Их можно остановить на некоторое время, чтобы сделать угодное себе, но ненадолго. Люди не хотят работать слишком усердно, даже если они следуют за Богом.

Как поступит Авессалом, когда люди перестанут добровольно идти за ним? Вот в чем вопрос.

Видишь ли, нет царства без разногласий. Как известно, даже у Бога были свои критики на Небе. Все царства идут по похожему пути. А народ, особенно Божий Народ, никогда не идет согласно ни за одной мечтой. [Потому как за мечтаниями стоят падшие ангелы, которые возбуждают недовольство тем, что данно в данный момент Богом!] Нет, на исполнение всего сегодня им сказанного потребуется время. Не все захотят пойти. Будет ли он и тогда столь же решительно осуществлять свои намерения и мечты? Если так, то у Авессалом только один путь: тирания. Или это, или он увидит немного, если увидит вообще что-нибудь, из своих великих мечтаний исполненным. Если же все же он станет, диктатором, то уверяю: в недалеком будущем появятся недовольные им, точно так же, как сегодня — нынешним царем. Да, если Авессалом станет царем, то скоро мы увидим новые собрания, только с

новыми лицами, новыми мечтами и планами, направленными на новый бунт, на этот раз — против Авессалома! И когда Авессалом услышит о таком собрании и о разговорах про восстание, у него будет только один выход.

— Что же он сделает?

— У мятежников, взошедших на трон с помощью восстания, не бывает терпения в отношении других мятежников и их восстаний. Когда Авессалом столкнется с бунтом, он поступит как тиран. Он принесет зла в десять раз больше, чем сейчас он видит его в вашем царе. Он раздавит восстание и будет править железной рукой... и страхом. Он уничтожит всех несогласных. Это всегда является заключительным этапом бунтов высокого звучания. Таков будет путь Авессалома, если он захватит трон у Давида.

— Но, мудрец, разве не приносили пользы некоторые восстания, когда сбрасывали деспотов и тиранов?

— Приносили... некоторые. Но я напомним: это конкретное царство отличается от всех других. Это царство состоит из Божиего Народа. Это духовное царство. Подчеркиваю, ни одно восстание не уместно в Царстве, основанном Самим Богом, и никогда оно не получит благословения.

— Почему ты так считаешь?

— Причин несколько. Но одна — очевидна. В духовной сфере человек, возглавивший восстание, уже доказал, что, как бы ни были грандиозны его слова или какими бы светлыми ни были его мотивы, налицо его беспринципный характер, склонность к недовольству и скрытые намерения в сердце. На самом деле, он вор. Он создает неудовлетворенность и напряженность в Царстве, а затем либо захватывает власть, либо переманивает к себе ее сторонников. Тех сторонников, которых он приобретает, он использует для основания своей власти. Такое вот жалкое начало, построенное на фундаменте восстания... Нет, Бог никогда не соглашается на разделение в Своем Царстве.

Я нахожу странным, что люди, чувствующие себя способными раскалывать Божие Царство, не находят в себе сил пойти еще куда-нибудь, в другие земли, чтобы основать там царство совершенно новое. Нет, им нужно непременно украсть его у другого! Я не помню исключений. При этом им всегда нужны, по крайней мере, несколько заранее подготовленных сторонников. Начало, в одиночку и голыми руками, всегда пугает таких людей. Это также красноречиво свидетельствует о том, насколько не уверены они в том, что Бог с ними. Каждое их самоуверенное слово об этом, если его правильно понять, говорит об обратном.

Существует много земель, никому не принадлежащих и не разграбленных. Есть много людей в других местах, ожидающих настоящего царя, настоящего мужа Божиего... Кажется, я повторяюсь. Это со мной частенько случается... Почему бы этим несостоявшимся царям и пророкам просто не уйти тихо, в одиночку, и не найти другой народ, в другом месте, и там построить царство, которое им грезится?

Люди, возглавляющие бунты в духовном мире, — недостойные люди. Исключений нет... А теперь я должен идти. Я должен присоединиться к проходящему шествию.

— Скажи, мудрец, как твое имя?

— Мое имя? Имя мне — История.

Глава XXII

Не надейтесь на князей, на сына человеческого

Давид стоял один на балконе дворца и глядел в задумчивости на огни Святого города, мерцающие там, внизу, под садовой террасой. Сзади подошел человек. Давид вздохнул и, не оборачиваясь, заговорил:

— Да, Иоав, что такое?

— Ты знаешь?

— Я знаю, — ответил он спокойно.

— С каких пор ты это знаешь? — спросил Иоав взволнованно и с удивлением.

— Несколько месяцев, лет... десятилетие. Возможно, я знал все тридцать лет.

После такого ответа Иоав не был уверен, говорят ли они об одном и том же. Авессалому ведь было немногим более тридцати.

— Господин, я говорю об Авессаломе, — произнес он, немного колеблясь.

— Я тоже, — вновь тихо ответил царь.

— Если ты знал так долго, почему ты не остановил его?

— Только что я задавал себе этот же самый вопрос.

— Хочешь, я остановлю его за тебя?

Давид быстро обернулся — и надежды Иоава мгновенно рассеялись.

— Нет! Ты не скажешь ему ни слова. И ты не будешь осуждать его. И не позволишь никому другому делать это. И, конечно, ты его не будешь останавливать!

— Но разве он тогда не захватит царство?

Давид снова вздохнул. В этом вздохе были и боль, и что-то еще, не ведомое Иоаву. На лице царя на мгновение отразилась едва заметная борьба. Затем, слегка улыбнувшись, он сказал:

— Да, возможно, и так.

— Но что ты будешь делать? У тебя есть какие-нибудь планы?

— Нет. Никаких. И, если откровенно, я не знаю, как поступить на этот раз. А ведь я всегда знал, что делать, когда сражался, обороняя свой народ. Но на этот случай у меня в запасе есть только опыт моей юности, из которого я и могу что-то почерпнуть. Тот путь, по которому я шел в то время, кажется мне единственным и на этот раз.

— Но что же это за путь?

— Ничего не предпринимать.

Глава XXIII

Укажи мне путь, по которому мне идти

Давид вновь остался один. Медленно и спокойно он прошел через весь свой сад, разбитый на кровле. Наконец, остановившись, он заговорил сам с собою: «Я ждал, Авессалом, ждал и наблюдал много лет. Я спрашивал себя снова и снова: что в сердце этого юноши? Но теперь я знаю: ты хочешь сделать невозможное. Ты хочешь расколоть царство Самого Бога. Все остальное — только разговоры».

На мгновение Давид задумался. Затем тихим, но исполненным глубокой скорби голосом произнес: «Авессалом — не боится — разделить — Царство Бога!»

«Теперь я знаю наверняка. Он ищет сторонников. По крайней мере, он их не отвергает! Он кажется необыкновенно чистым и благородным и тем не менее он — за раскол. Число его сторонников растет, хотя он убедительно утверждает, что их у него нет».

Давид долго смотрел вдаль и, казалось, ни о чем не думал. Затем, не без иронии, он продолжил размышлять сам с собой: «Хорошо, добрый царь, на один вопрос у тебя есть ответ. Ты среди разделения и, скорее всего, лишишься трона. Теперь второй вопрос, — он помолчал, поднял руку и почти обреченно спросил себя, — что ты будешь делать? Царство твое на волоске. Похоже, у тебя два выбора: потерять все или стать Саулом. Ведь только так можно остановить Авессалома.

...Так что же? Становиться ли мне Саулом теперь, в моей старости? Господи, Ты ждешь моего решения?» — спросил вслух Давид.

За спиной не замедлил прозвучать ответ:

— Добрый царь, он не был Давидом с тобой.

Давид обернулся. Это был Авесса, подошедший без доклада.

— Людное, однако, место, эта терраса, — ответил Давид на появление старого соратника.

— Господин? — произнес Авесса со всей почтительностью.

— Я просто хотел сказать, что без посетителей я сегодня и не был. И это в день, когда я предпочел бы быть один. Ты что-то мне сказал?

— Только то, что Авессалом не проявлял к тебе такого же отношения, как это делал бы молодой Давид.

— Да, я никогда не бросал вызова Саулу. Никогда не пытался разделить царство во время его правления. Это ли ты имеешь в виду?

— Более того, — отвечал Авесса твердо, — Саул питал злобу к тебе и превратил твою жизнь в пытку. Ты же отвечал только почтением и внутренним страданием. Все зло, происходившее в те дни, шло лишь с одной стороны. Все падало только на тебя. Притом, что ты мог бы разделить царство, а, возможно, и сбросить Саула. Но вместо этого ты предпочел покинуть царство. Ты бежал, чтобы не быть причиной разделения. Ты рисковал своей жизнью ради единства и закрывал уста и глаза на все несправедливости. У тебя было больше причин для восстания, чем у кого бы то ни было другого в истории этого царства или любого иного. Авессалому же придется изрядно потрудиться, чтобы

представить сколько-нибудь значимые обиды. Разве Авессалом когда-нибудь вел себя, как ты? Скажи, Авессалом когда-нибудь уважал тебя? Разве отказывается выступать против тебя? Авессалом отказывается от сторонников? Разве Авессалом покидает страну, чтобы предотвратить ее разделение? Разве Авессалом переносит страдания молча, в одиночестве? И в чем эти страдания? Посетило ли его какое зло вообще? Нет, он только чист и благороден!?

Последние слова Авесса будто отрубил. Затем продолжил, уже с нескрываемой скорбью:

— Повод для его недовольства ничтожен, в сравнении с твоими справедливыми обидами на Саула. Ты никогда не обращался с Саулом плохо. И ты никогда и никоим образом не был несправедлив к Авессалому.

— Похоже, у меня дар заставлять стариков и молодых ненавидеть меня без причины, — прервал с горькой усмешкой Давид Авессу. — В моей юности на меня нападали старики, когда состарился — нападают молодые. Замечательное достижение...

— Я к тому, — продолжал Авесса, пропустив замечание царя, — что Авессалом — не Давид. Поэтому я спрашиваю тебя: почему ты не хочешь остановить его восстания? Останови его, этого жалкого...

— Осторожно, Авесса! Помни, кто он! Ты не должен говорить плохо о сыне царя.

— О, добрый царь, я лишь напоминаю, что ты ни разу не поднял меча или копья против Саула. А Авессалом день и ночь готовит выступление против тебя. И однажды — очень скоро — он поднимет против тебя армию. Нет, — народ! Наш народ! Молодой Авессалом — не Давид в молодости. Я советую тебе его остановить.

— Ты просишь меня, Авесса, чтобы я стал Саулом, — тяжело ответил Давид.

— Нет, я просто прошу тебя остановить его.

— Если я остановлю его, останусь ли я Давидом? Чтобы это сделать, я должен быть или Саулом, или Авессаломом.

— Мой царь, прости, но я скажу тебе с любовью: иногда я думаю, что ты немного не в своем уме.

— Что ж, я вижу, почему, — усмехнулся Давид.

— Но, дорогой царь, Саул был плохим правителем. Авессало является в некоторой степени его юношеским повторением. И только ты постоянен. Ты навсегда — пастушок с сокрушенным сердцем. Скажи мне правду, что ты собираешься делать?

— До настоящего времени я колебался. Теперь я знаю точно: в юности я не был Авессаломом, а в старости — не стану Саулом. В юности, по твоим собственным словам, я был Давидом. И в старости попытаюсь им остаться. Даже если это мне будет стоить трона, царства и, возможно, головы.

Авесса некоторое время молчал. Затем медленно, пытаясь убедиться, правильно ли он понял смысл сказанного Давидом, произнес:

— Ты не был Авессаломом. Ты не хочешь стать Саулом... В таком случае, государь, если Вы не хотите силой подавлять Авессалома, то я предлагаю нам приготовиться к бегству, потому что он наверняка отнимет у Вас царство.

— Так же наверняка, как царь Саул убил пастушка, — ответил старый мудрый царь.

— Что? — спросил пораженный Авесса.

— Подумай, Авесса. Бог однажды избавил беззащитного пастушка от могучего безумного царя. Он может избавить и старого царя от честолюбивого молодого бунтаря.

— Ты недооцениваешь своего противника, — возразил Авесса.

— А ты недооцениваешь моего Бога, — спокойно ответил Давид.

— Но почему, Давид? Почему не сразиться?

— Я отвечу тебе. Если ты помнишь, — а ты там был, — я однажды дал тот же самый ответ Иоаву, в пещере, много лет назад. Пусть лучше я буду поражен и даже убит, чем научусь поступать как Саул или как Авессалом. Царство само по себе не настолько важно. Пусть он возьмет его, если такова воля Божия. И я повторяю: я не буду учиться ни у Саулов, ни у Авессаломов.

А теперь, будучи стариком, я добавлю кое-что, чего я тогда, возможно, не знал. Авесса, ни один человек не знает своего собственного сердца. Я тоже, конечно же, не знаю до конца своего. Знает только Бог. Так защищать ли мне свое маленькое царство именем Бога? Метать ли мне копья, плести ли интриги и замышлять ли расколы... и убивать души людей, если не их тела... для защиты моего царства? Я не поднял и пальца, чтобы стать царем. Не подниму и для того, чтобы остаться и чтобы сохранить свою власть. Даже царство народа Божиего! Бог поставил меня сюда. Я не должен брать или удерживать власть. Разве ты не понимаешь, что это, возможно, происходит по Его воле? Думается мне,

что если Бог захочет, Он сможет защитить и сохранить царство даже сейчас. В конце концов, это Его царство.

Да, ни один человек не знает своего сердца. И я не знаю своего. Кто знает, что на самом деле в моем сердце? Может быть, в Божиих глазах я уже больше недостоин царствования. Возможно, Он отнимает царство у меня. Возможно, царствование Авессалом — Его воля. Я не знаю. Но если Его воля такова, я принимаю ее.

Любой, поднимающий руку на того, кого он считает Саулом, любой старый царь, поднимающий руку на того, кого он считает Авессаломом, на самом деле, может быть, поднимает руку на волю Бога.

Ни в том, ни в другом случае я не поднимал и не подниму руку! Не будет ли странно, если я буду пытаться сохранить свою власть, когда Бог желает моего падения?

— Но ведь ты знаешь, что Авессалом не должен быть царем! — отвечал Авесса упавшим голосом.

— Я знаю? Никто не знает. Только Бог знает, но Он не скажет. Я не сражался, чтобы стать царем, и не буду, чтобы остаться им. Пусть Бог, если это угодно Ему, забирает трон, царство и... — голос Давида дрогнул, — и Свое помазание с меня. Я ищу Его воли, а не власти от Него. Повторяю, я жажду Его воли более, чем власти.

— Государь! — раздался чей-то голос из-за спины.

— Да? А-а, посланник. Что у тебя?

— Авессалом. Он хочет видеть Вас Он хочет попросить разрешения сходить в Хеврон, принести жертву.

— Мой господин..., — сказал Авесса хрипло, — ведь ты знаешь, что это на самом деле означает?

— Знаю.

— И ты знаешь, что он сделает, если ты разрешишь ему пойти?

— Да.

— И ты разрешишь ему?

Давид обернулся к посланнику:

— Скажи Авессалому, я скоро буду...

Царь взглянул в последний раз на тихий город внизу, повернулся и направился к двери.

— Ты дашь ему разрешение пойти в Хеврон? — не унимался Авесса, следуя за Давидом.

— Да, дам, — сказал великий царь и вновь обратился к посланнику, — этот мрачный час для меня настал. Когда я поговорю с Авессаломом, все закончится. Завтра пусть придет ко мне один из пророков. А сейчас иди. Потом пусть придет ко мне Садок — первосвященник. Спроси его, не сможет ли он быть у меня здесь, после вечернего жертвоприношения...

На лице Авессы светилось восхищение:

— Благодарю тебя, добрый царь.

— За что? — спросил удивленно Давид, оборачиваясь уже в дверях.

— Не за то, что ты сделал, а за то, что ты не сделал! Я благодарю тебя за то, что ты не кидал копья, не восставал против царей. За то, что не разоблачал человека у власти, когда он был уязвим, за то, что не разделял царство, не нападал на молодых Авессаломов, которые очень похожи на молодых Давидов, но ими не являются, — он помолчал, — благодарю тебя за страдания, за готовность лишиться всего. За то, что ты положился на волю Бога в завершении и даже разрушении твоего царства, если это угодно Ему. Благодарю тебя за то, что ты — пример для нас всех. А больше всего, — он усмехнулся, — за то, что не обращаешься к колдуньям.

Глава XXIV

Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи

— Нафан!

— Что? А, это ты Садок...

— Прости мне мое вторжение, но я наблюдаю за тобой уже несколько минут. Ты, наверное, собирался войти к царю в тронный зал?

— Да, Садок. Я хотел... но теперь передумал. Царь не нуждается во мне.

— Я так не думаю, Нафан. По-моему, царь очень нуждается в тебе. Пред ним — величайшее испытание в его жизни. Я совсем не уверен, что он сможет пройти его.

— Он уже прошел это испытание, Садок, — ответил Нафан с уверенностью в голосе, достойной истинного пророка Божиего.

— Уже прошел это испытание? Прости, Нафан, но я не понимаю, о чем ты говоришь. Все, как ты хорошо знаешь, только начинается.

— Садок, твой царь выдержал это испытание уже давно, когда он был еще юношей.

— Ты говоришь о Сауле? Но это было совсем другое дело.

— Вовсе нет. Это в точности то же самое. Абсолютно нет никакой разницы. Как Давид относился к своему Богу и поставленному над ним человеку в то далекое время, точно так же он будет относиться к своему Богу и человеку подвластному теперь. Разницы в подобном не может быть никогда.

— Да, обстоятельства могут изменяться... значительно. Очень значительно, я бы добавил. Но сердце! Сердце всегда одно и то же. Садок, я всегда был благодарен Богу за то, что Саул был нашим первым царем. Я содрогаюсь при мысли о том, какая была бы беда, окажись Давид молодым человеком под другим царем. Практически нет разницы между человеком, обнаружившим Саула в своей жизни, и тем, кто нашел Авессалом в своей. В любой из этих ситуаций развращенное сердце найдет свое оправдание, Саулы этого мира никогда не смогут увидеть Давида, они могут увидеть только Авессалом. Так же как и Авессаломы этого мира никогда не смогут увидеть Давида, они могут увидеть только Саула.

— А чистое сердце? — спросил Садок.

— О, это поистине редкая вещь. Как сокрушенное сердце поступит с Авессаломом? Так же, как с Саулом? Скоро нам предстоит это узнать, Садок!

— И ты, и я не были удостоены чести присутствовать там, когда пришел час Давида и Саула. Зато нам оказана честь быть здесь в его час с Авессаломом. Я, например, собираюсь очень внимательно наблюдать разворачивающуюся трагедию; при этом у меня добрые предчувствия, что я получу один-два урока. Попомни мои слова: Давид проложит свой путь через все это, и он пройдет это испытание с тем же благородством и мужеством, которые он проявил в юности.

— А Авессалом?

— Авессалом? Через несколько часов он вполне может стать моим царем, ты это имеешь в виду?

— Такая возможность существует, — ответил Садок уже почти с юмором.

Нафан улыбнулся:

— Если Авессалом получит трон, да сжалится Бог над всеми царствами Саулов, Давидов и Авессаломов! По моему суждению, наш юный Авессалом станет превосходным Саулом, — закончил Нафан и пошел прочь по длинному коридору.

— Да. Превосходный Саул. Потому что во всем, кроме возраста и положения, Авессалом — уже Саул, — закончил Садок разговор вслед удаляющемуся Нафану.

Глава XXV

И позавидовали в стане Моисею [и] Аарону, святому Господню

— Спасибо, что пришел, Садок.

— Мой царь.

— Ты — священник Божий. Не расскажешь ли мне историю давно минувших дней?

— Какую историю, мой царь?

— Историю Моисея. Ты ведь ее хорошо знаешь...

— Знаю.

— Расскажи мне ее.

— Рассказать всю? Она длинная.

— Нет, не всю.

— Тогда какую часть?

— Расскажи о восстании Корея.

Первосвященник устремил на Давида проницательный взгляд. Давид смотрел на священника, и глаза его горели. Оба все понимали...

— Я расскажу тебе историю про восстание Корея и о поступках Моисея при этом восстании. Многие слышали историю Моисея. Он — величайший пример помазанника Господня. Истинное Божие правление осуществляется через человека, вернее, через сокрушенное сердце человека. У Божиего правления нет формы или порядка, есть только человек с сокрушенным сердцем. Моисей был таким человеком.

Корей же не был таким человеком, хотя он был двоюродным братом Моисея. Корей хотел власти, которая была у Моисея. Однажды мирным утром Корей проснулся. В то утро не было никакого разногласия среди Божиего народа, но до окончания этого дня он нашел двести пятьдесят два человека, согласных с его обвинениями против Моисея.

— Выходит, у народа были проблемы и тогда, когда правил Моисей? — спросил Давид.

— В царствах всегда существуют проблемы, — ответил Садок. — Всегда. Более того, способность увидеть эти проблемы — воистину невеликий талант.

Давид улыбнулся и спросил:

— Садок, ты же знаешь, что были несправедливые царства и несправедливые правители, и притворщики, и лжецы, обманывающие народ. Как могут простые люди узнать, какое царство с недостатками, но возглавляется людьми Божиими, а какое не достойно людского повиновения? Как различить?

Давид остановился. Он понял, что натолкнулся на то, что хотел знать больше всего. С трудом он снова заговорил:

— И царь... Как он может узнать? Может ли он узнать, справедлив ли он? Может ли он узнать, достойны ли обвинения? Существуют ли какие-нибудь признаки? — последние слова Давида звучали взволнованно.

— Давид, ты ищешь некий эталон. Даже если бы он и был, и существовал бы способ его найти, нечестивые устроили бы так, что их царства подходили бы под него! И если бы такой эталон существовал, и достойный правитель достигал бы совершенства по нему, то нашлись бы такие, которые заявили бы, что он не отвечает ни одной его части. Ты недооцениваешь человеческое сердце, Давид.

— Тогда как же можно людям узнать?

— Им не узнать.

— Ты хочешь сказать, что среди сотен голосов, утверждающих о своем достоинстве, простой Божий народ не может знать, кто истинно помазан нести Божию власть, а кто — нет?

— Они никогда не будут знать наверняка.

— И кто же тогда может знать?

— Бог всегда знает. Но Он не говорит.

— Тогда нет никакой надежды для тех, кто должен следовать за недостойными людьми?

— Их внуки смогут увидеть события ясно. Они будут знать. А участники никогда не будут знать наверняка. Тем не менее все это к добру.

— То есть?

— Так же неизбежно, как то, что восходит солнце, людские сердца подвергаются проверке. И, несмотря на требования и обвинения, в сердцах всех участников выявятся настоящие мотивы. Это может показаться неважным в глазах людей, но в глазах Бога такие вещи являются главными. Сердце должно обнажиться. Бог об этом позаботится.

— Как это тяжело... — ответил Давид устало. — Лучше бы не было подобных вечеров. Но все же Он, кажется, посылает много, много всего в мою жизнь, чтобы испытать мое сердце. И сегодняшний вечер еще раз подтверждает это.

Садок, есть кое-что такое, что волнует меня больше всего. Может, Бог уже определил мой конец? Разве нельзя это как-нибудь узнать?

— Я не знаю другого правителя в истории, который мог бы задать такой вопрос, добрый царь. Зато знаю, что в подобной ситуации другие даже воображаемого противника уничтожили бы немедленно. Но отвечаю на твой вопрос: какова Божия воля относительно тебя — мне не дано сейчас знать, и сказать тебе этого сейчас никто не сможет.

Давид вздохнул и, сдерживая слезы, промолвил:

— Тогда продолжи рассказ. У Корей было двести пятьдесят два сторонника, так? Что случилось потом?

— Корей подошел со своими войсками к Моисею и Аарону и сообщил, что у Моисея нет права на власть.

— Да, мы, евреи, последовательны, не правда ли? — улыбнулся Давид.

— Нет, это сердце человеческое непоследовательно, — ответил Садок.

— Скажи, каков же был ответ?

— В сорок лет Моисей был немногим лучше Корей. Как он мог поступить в сорок, я не могу сказать. В восемьдесят — он был сокрушенным. Он был...

— Самым кротким из всех живущих, — прервал Давид.

— Таким человеком, каким должен быть несущий бремя Божией власти. Иначе народ будет жить в ужасе. Да, перед Кореем предстал сокрушенный человек. И я полагаю, ты сам помнишь, Давид, что сделал Моисей. Он... не сделал ничего.

— Да, ничего... Какой человек...

— Он пал на лице свое пред Богом. Это все, что он сделал. Моисей знал, что только Бог поставил его над Израилем. И потому ему, Моисею, ничего не нужно было делать: либо двести пятьдесят три человека захватывают царство, либо Моисея защищает Бог.

— В глазах людей такую жизнь подделать трудно, не правда ли? Ведь лицемер не смог бы так поступить. Но скажи мне, как Бог подтвердил правду Моисея?

— Моисей сказал людям — вернуться на следующий день с кадильницами и фимиамом... чтобы Бог решил вопрос.

— Так! Иногда Бог все же говорит, — взволнованно промолвил Давид. — Что случилось потом?

— Корей и двое с ним были поглощены землей. Остальные двести пятьдесят умерли при...

— Это неважно. Достаточно сказать, что власть Моисея была подтверждена... Богом! Бог Сам сказал! Люди узнали, кто на самом деле имел власть от Бога, и, наконец, Моисей мог успокоиться.

— Нет, Давид. Он не обрел покой, и люди не были удовлетворены Божиим ответом. Прямо на следующий день весь народ возроптал против Моисея, и умерли бы, наверное, все, если бы не его молитвы за них.

— И люди стремятся к тому, чтобы быть царями!? — Давид замолчал в недоумении.

Садок, помолчав, продолжил:

— Я чувствую, тебя терзает вопрос: что такое настоящая власть, а что — нет. Ты хочешь знать, что делать с восстанием, если это на самом деле — восстание, а не рука Божия. Я верю, ты найдешь то единственно правильное решение. Тем самым ты научишь и всех нас.

Дверь распахнулась. Ворвался Авесса.

— Милостивый царь! Твой сын, твоя плоть и кровь, провозгласил себя царем в Хевроне. Похоже, что почти весь Израиль перешел к нему. Он намеревается захватить трон. Он движется к Иерусалиму. Некоторые из твоих людей перешли к нему.

Давид отошел, тихо произнося едва уловимое:

— Третий царь Израиля...

Садок, не уверенный, надлежит ли ему слышать слова Давида, заговорил:

— Мой царь?

Давид обернулся. Глаза его были влажными:

— Наконец, — сказал он тихо, — наконец, все разрешится. Может, завтра еще кто-то, кроме Бога, будет знать.

— Возможно, — сказал Садок, а, возможно, и нет. Такие вопросы могут оставаться спорными даже после нашей смерти.

— Это все же может быть завтра, — улыбнулся Давид, — иди, Авесса, скажи Иоаву. Ты найдешь его в башне восточной стены.

Авесса отбыл, как и вошел, — быстро и в ярости.

— Интересно, Садок, — задумчиво произнес Давид, — что может сделать человек для того, чтобы услышать слово Бога?

Глава XXVI

Семя его пребудет вечно, и престол его, как солнце, предо Мною

Авесса пересек внутренний двор, устремился в открытую дверь в основании восточной стены и побежал вверх по винтовой лестнице. А сверху на него с напряжением смотрел Иоав, который уже через мгновение, схватив факел, начал спешно спускаться вниз. Их тревожные взгляды встретились в мерцающем свете огня.

— Ты слышал, Иоав?

— Как это может быть, Авесса? Сын против собственного отца!

— Когда царства уязвимы, люди хотят и могут увидеть странное, — отвечал Авесса.

— И пожертвуют всем, чтобы удовлетворить свое честолюбие, — с негодованием добавил Иоав.

— Как ты на все это смотришь, Авесса?

— Как, как? У Авессалома нет никакой власти в царстве. Ни власти, ни права на нее... И все же он восстал, чтобы расколоть царство. Он поднял руку на Божиего помазанника — против Давида! Давида, который никогда не делал и не говорил ни одного злого слова против него.

Если Авессалом, не имеющий никакой власти, совершит этот поступок, — голос Авессы звучал уже со все более нарастающим волнением, — если Авессалом, который есть ничто, расколется царство самого Бога и, наконец, если Авессалом совершит это зло сейчас, то что, во имя благоразумия, может сделать такой человек, стань он царем!?

Глава XXVII

Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его

Давид и Садок остались вдвоем.

— Как поступишь ты теперь, Давид?

— Я оставлю судьбу царства в Божиих руках. Возможно, мой грех слишком велик, и я уже не достоин быть царем. И только Бог знает, так ли это. Я позволю событиям развиваться без меня, чтобы открылся наш несказанный Бог. Я знаю только один способ, чтобы открылась Его воля: не делать ничего! Не иметь, не брать, не защищать, и не хранить. Престол не мой.

Я оставляю город. Престол принадлежит Господу. Как и царство. Я не буду мешать Богу. Никакое действие с моей стороны не послужит препятствием между Богом и тем, что Он хочет. Нет ничего, что могло бы помешать Его воле. Если я не должен больше править, наш Бог без труда сделает Авессалома царем Израиля. Бог да будет Богом!

Он повернулся и тихо вышел. Настоящий царь вышел из своих покоев, из дворца, из города...

Он шел и шел...

...в души всех людей, чьи сердца чисты.